

Отто Клемперер.

После блестящих выступлений Бруно Вальтера и дефилирования ряда других выдающихся иностранцев-гастролеров, было особенно интересно вернуться к дирижеру, художественная личность которого врезалась в свое время в память, как в некотором роде **высшее мерило дирижерского искусства и образец ярчайшей индивидуальности.** Клемперер как бы создан прежде и больше всего для художественного овладения монументальными произведениями, грандиозными концепциями и построениями.

Когда выяснилось, что вместо грандиозной 8 симфонии Малера, уместяющейся лишь в одиночку на программе симфонического концерта, Клемперер объявил сборную программу из пяти авторов — от Моцарта до Стравинского,

*Красная газ. — 1927 —
12 июня*

с Шубертом, Дебюсси и Равелем посередине, то невольно думалось, что удивительный артист сделал это себе в ущерб, — как гениальный архитектор, взявшийся за постройку вилл вместо монументальных сооружений.

Это рассуждение было бы, пожалуй, верным, если бы Клемперер не представлял собою — сверх всего прочего, — **удивительного виртуоза оркестровой звучности.** Упругость, сочность, красочность звучания достигают у него предельной точки. Силой своего волевого воздействия он вздергивает оркестр, как благородного коня, на дыбы. Дальнейшие возможности, если и существуют, то уже исключительно в зависимости от художественных качеств самого оркестра и отдельных его составных частей; но это уже вопрос живого «инструмента», имеющего, разумеется, десятки разновидностей. Бурю аплодисментов вызвало исполнение «Albareda del Gracioso» Равеля — пьесы, в которой красочная напряженность, блеск и богатство палитры создают впечатлительные поистине изысканно-волшебного невиданного изобилия.

В состоянии упоения этой оргией звуков «душа» с трудом приемлет такую грубую шутку, как 2-я сюита Стравинского. Правда, в ней много веселья; она вызывает в слушателях неудержимый смех. Но смех этот — увы! — самого примитивного «циркового» свойства.

С того времени, как мы слышали Клемперера в последний раз, его удивительное владение собой, умение обуздать свой темперамент, держать себя в железных тисках неумолимой ритмической логики, кажется, еще более выросли. Es-dur'ная симфония Моцарта проведена была им с четкостью ритма, достойной истинного мастера; если звук здесь и казался временами, быть может, несколько слишком тяжелым, то сочность его покрывала с лихвой этот минус. С неподражаемым простодушным изяществом были сыграны 5 немецких танцев для квартета струнных Шуберта; тончайшим кружевом красок прозвучали известные поктюры Дебюсси.

А. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ.